

скую и Покровскую съ ихъ имуществомъ, суммами и документами, и документами церквей: Слободской, Молчановской и Бережновской.

21 августа обозрѣны Его Преосвященствомъ церкви: Солонухинская, Бисловская, Выковская, Терновская, Калмыцко-Балкская.

22 числа посѣщены церкви: с. Широкинскаго, с. Ново-Никольскаго (двѣ), Верхне-Погроминская, Средне-Погроминская, Верхне-Ахтубинская, Средне-Ахтубинская и Заплавинская.

23 ч. Обревизованы Царевскій Христорождественскій соборъ и церкви: с. Пришиба (двѣ) и слоб. Капустина-Яра (двѣ) и документами церквей: Солонухинской, Колобовской и Житкуринской.

24 ч. церкви: Пологосаймищенская, Верхне-Хуторская, слоб. Владимировки (двѣ).

Кромѣ сего 27 августа обозрѣны были Его Преосвященствомъ церкви: Казачебугровская и Началовская, Астраханскаго уѣзда, съ ихъ имуществомъ, суммами и документами.

Всего-же обозрѣно было Его Преосвященствомъ 48 церквей, въ томъ числѣ 2 соборныхъ, 1 кладбищенская и 45 приходскихъ.

При обозрѣннн церквей и причтовъ Его Преосвященствомъ обращено было особенное вниманіе на обезпеченіе причтовъ домами, на пополненіе церковныхъ библіотекъ необходимыми книгами, на увеличеніе суммъ на вдовъ и на сиротъ духовнаго званія и на то, чтобы священники не уклонялись отъ законоучительскихъ должностей въ приходскихъ школахъ. При чемъ во всѣхъ обозрѣнныхъ церквахъ были говоримы Его Преосвященствомъ прихожанамъ, стекавшимся въ храмы для встрѣчи Владыки въ весьма значительномъ числѣ, краткія Архипастырскія поученія и наставленія, сообразныя съ обстоятельствами и потребностями слушателей.

С Л О В О

при погребеніи настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Моисея 19 іюня 1862 года.

*Видеши во гробѣ якоже пшеница
созрѣлая во время пожатая, или
якоже стогъ гумна во время све-
зеной. Іов. 5, 26.*

Скель ни давно уже предсказана была сими словами блаженна кончина въ глубокой старости многострадальному Іову, однако они и теперь могутъ

имѣть свое приложеніе. Вотъ и усопшій о Господѣ братъ нашъ положенъ въ гробъ, какъ зрѣлая ишеница—въ житницу, или, подобно колосу во время сжатому и сложенному въ стогъ, скоро сокроется тѣломъ въ могилѣ, до всеобщаго воскресенія. Руководимый и укрѣпляемый Господомъ, долго развивался онъ и усовершенствовался: то въ лѣсахъ Рославскихъ, по предварительномъ испытаніи себя въ Саровской и Свѣнской обителяхъ; то здѣсь—на вапихъ глазахъ, подобно плоду наливался, созрѣвалъ и созрѣлъ наконецъ, служба въ преподобіи и правдѣ болѣе 40 лѣтъ здѣшней обители, для благоустройства коей такъ много сдѣлано имъ, что память о немъ никогда не умретъ.

Если не непоучительна жизнь и самаго обыкновеннаго человѣка съ его кончиной, то жизнь такого подвижника благочестія, который *отходитъ изъ отцамъ своимъ въ миръ и въ старости добрый* (Быт. 15, 15), особенно заключаетъ въ себѣ много поучительнаго.

Для общаго нашего назиданія посвятимъ нѣсколько минутъ на краткое обозрѣніе болѣе выдающихся сторонъ этой многолѣтней, благопогребной и подвижнической жизни усопшаго о Господѣ.

Многимъ, конечно, по тяжкимъ, а перѣдко и самымъ горькимъ опытамъ жизни извѣстно: сколь опасна пора—юности нашей. Не столько вреденъ червь для цвѣтовъ и плодовъ, сколько вредятъ развитію и преснѣннѣю юной души увлеченія и страсти. *Похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская* (1 Иоан. 2, 16) поминутно почти обольщаютъ и влекутъ въ плѣнъ юное сердце. По этому-то, конечно, апостоль Павелъ заповѣдуетъ юному ученику своему Тимошею, а въ его лицѣ и всѣмъ юношамъ: *благотвори похотей юныхъ* (1 Тимоѡ. 2, 22). Но усопшій о Господѣ братъ, происходя изъ купческаго званія, старался подражать—съ юныхъ лѣтъ—Евангельскому купцу который искалъ хорошаго жемчугу, и найдя его пошелъ, продалъ все, что имѣлъ и купилъ его (Мѡ. 13, 45). Говоря безъ притчи, братъ нашъ о Господѣ, появивъ съ юныхъ лѣтъ, что *миръ переходитъ*, а съ нимъ и тройственна *похоть его* (1 Иоан. 2, 16), что *исполняющій только волю Божию пребываетъ во вѣкъ* (1 Иоан. 2, 17), *гордость всяку отложше и удобъ обстоятельный грѣхъ* (Евр. 12, 1), оставилъ домъ, имѣніе, даже роднаго и нѣжно любившаго его и любимаго отца оставилъ, только-бы приобрести Христа, и такимъ образомъ снасти свою душу, коей ничего цѣтъ ни выше, ни дороже въ семь мірѣ. И опытъ, какъ

нельзя очевиднѣе, подтвердилъ для него непреложную истину словъ пророческихъ: *благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей* (Плач. Іер. 3, 27). Тогда, какъ многіе изъ юношей и нашего и прежняго времени, увлекаясь *временнаго грѣха сладостію* (Евр. 11, 25) и увлкая въ сѣтяхъ его, перѣдко горькими слезами оплакивають свои паденія, отецъ Моисей чрезъ строго подвижническую жизнь, вдали притомъ отъ обалтительныхъ соблазновъ, избавился, по милости Божіей, отъ замачивыхъ вліяній грѣховныхъ, *яко птица отъ сѣти ловящихъ*.

Но и отвергшіеся отъ міра и благъ его, усопшіи о Господѣ брать нашъ не предался безпечности, подобно юродивымъ дѣвамъ (Ме. 25, 3), или многимъ, можетъ быть, изъ насъ грѣшныхъ: напротивъ зналъ, что сколь *духъ* ни *бодръ* нашъ, но *плоть немощна* (Мар. 14, 38), старался *одѣтъ и молиться*, чтобы вышедши изъ міра какъ Израильтяне изъ Египта, не подвергнуться опасностямъ, даже гибели, сопровождавшимъ послѣднихъ въ пустынѣ, за ихъ самонадѣяность, строптивость и непослушаніе. Для лучшаго же обезпеченія себя побѣды въ борьбѣ съ плотію похотствующею на духъ и съ духомъ злобы, онъ всецѣло предалъ себя руководству опытнаго и дивнаго подвижника благочестія іеросхимонаха Аванасія Сѣвскаго и, водворившись въ Рославскихъ лѣсахъ Смоленской губерніи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе старался *совлекаться тамъ ветхаго чловѣка съ дѣланіи его и облекаться въ новаго*: старался, при содѣйствіи благодати Божіей, подавлять въ себѣ все грѣховное—отъ чувствъ, желаній и помысловъ,—до словъ и дѣлъ, чтобы тѣмъ безпренятственнѣе сообразовать свою жизнь съ духомъ Евангелія. Примѣръ вполне достойный подражанія тѣхъ, кои, оставивши міръ Бога ради, поступаютъ въ обители для спасенія души своей?.....

Легко могло быть, что плѣненный пустыннымъ уединеніемъ и навсегда остался-бы онъ тамъ, не взирая ни на усиленные подвиги, ни на жестокость борьбы со врагомъ, который въ полномъ смыслѣ является для живущихъ въ пустынѣ *львомъ рыкающимъ и щущимъ поглотитъ ихъ* (1 Петр. 5, 8); тѣмъ болѣе, что *пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ*. Но надъ возлюбленнымъ нашимъ отечествомъ грозная туча тогда собиралась съ запада и разразилась наконецъ въ 1812 г. такими страшными грозами, что горы и доли застонали и самая глубокая пустыня, въ коей привиталъ о. Моисей,

огласилась шумомъ оружія брашнаго. И вотъ юный подвижникъ, волей-неволей долженъ былъ оставить пустыню Рославскую и, не слагая съ себя *оружія Божія* (Ефес. 6, 11), пріютиться сначала въ Свѣпской, а потомъ въ Бѣлобережской обители. Но едва миновала гроза, какъ о. Моусей снова уклонился въ любимую пустыню, чтобы снова тамъ продолжать борьбу съ врагомъ спасенія, и *полагать восхождение въ сердце своемъ* (Пс. 83, 6). Скромный и смиренный, онъ не любилъ говорить о подвигахъ своихъ. Но можетъ-ли быть, чтобы душа его, яко кринъ не цвѣла тамъ—въ Рославскихъ лѣсахъ, находясь въ кругу столь примѣрныхъ подвижниковъ, изъ коихъ одинъ—Феофанъ дивный изъ подражанія Христу Спасителю постился однажды, по отъѣзду покойнаго, чрезъ всю четиридцатипятилетнюю ничего не вкушая? Не разъ приходилось намъ слышать отъ старца покойника объ этой порѣ его жизни и умиляться, при видѣ благодарныхъ слезъ его ко Господу за милости Его и за спасеніе въ пустынь этой отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Орломъ въ обновленной юности казался онъ тогда намъ: такъ благотвѣтельно дѣйствовало на него воспоминаніе о понесенныхъ тамъ, при помощи Божіей, подвигахъ самоотверженія и послушанія!.. И намъ, братъ, конечно, не непріятно будетъ оглянуться на пройденное поприще жизни нашей и при случаѣ припомнить, какъ *сила Божія совершалась въ немощахъ нашихъ* (2 Кор. 12, 9), чтобы благословлять, подобно покойнику Господа на всякое время. И счастливы будемъ мы, если не оставимъ за собою грязныхъ слѣдовъ на поприщѣ этомъ! Иначе воспоминаніе о нихъ, какъ ржа желѣзо, будетъ спѣдать наше сердце и, чего добраго, не обрѣтемъ уже мы нигдѣ тогда *мира въ костяхъ нашихъ отъ лица грѣхъ нашихъ* (Псал. 37, 4), особенно если не покалялись въ нихъ и доселѣ оставляемъ не оплаканными....

Но вотъ настала пора свѣтильнику, сіяющему постомъ и бдѣніемъ въ пустынь, быть на свѣщникѣ, *да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храмѣ сущи* (Мѡ. 5, 15). И Господь избираетъ орудіемъ для этого блаженной памяти митрополита Филарета. Проникнутый духомъ подвижничества, и любя иночество, онъ пожелалъ въ этой пустыни устроить скитъ. Знакомый уже съ работъ Божиимъ Моусеемъ, онъ вызвалъ его сюда изъ Рославской пустыни и опредѣлилъ: сначала начальникомъ скита, потомъ духовникомъ, а наконецъ вѣрилъ ему вѣкорѣ управленіе и самую обителью. И съ этой поры онъ рѣдкимъ свѣтильникомъ былъ для нашего времени—съ дивными сподвижниками

своими—Леопидомъ и Макаріемъ, также какъ и онъ горѣвшими и свѣтившими для всѣхъ насъ, не только при жизни, но даже и изъ самаго могильнаго мрака блистающими, какъ молнія изъ черной тучи...

Не намъ конечно и не предъ вами, братіе и друзи, сродницы и знаемые, какъ предъ ближайшими свидѣтелями столь блистательно пройденнаго поприща усопшимъ отцемъ, собратомъ нашимъ о Господѣ, излагать съ подробностію теперь: что, когда и какъ было сдѣлано имъ, въ теченіи 37-ми лѣтняго служенія его въ должности настоятеля: о мудрыхъ и зрѣло обдуманныхъ мѣрахъ его, содѣйствовавшихъ болѣе или менѣе благоустройству Оптиной пустыни, повѣдаютъ въ свое время, какъ отчасти уже и повѣдали, болѣе насъ опытные, а *похвалу его испознать церковь* (Сир. 44, 14). Въ настоящія минуты достаточно припомнить намъ о его дивной вѣрѣ, которая, подобно звѣздѣ путеводной, руководила имъ во всѣхъ его начинаніяхъ и дѣлахъ. О его великодушій и кротости, съ коими носилъ онъ немощи немощныхъ изъ васъ: „по навожденію вражескому иногда проносили мое имя, яко зло и чернили клеветами,—малодушные изъ братіи. Но правда свѣтлѣе солнца: защитивъ себя предъ начальствомъ отъ извѣтовъ, я охотно прощалъ ненавидящихъ и обидящихъ меня, и тѣмъ обезоруживалъ ихъ и плънилъ сердца ихъ въ любовь“. Такъ обливаясь слезами, онъ разъ самъ говорилъ намъ, благословляя при этомъ Господа, давшаго ему широту сердца. И въ эти минуты въ очахъ его свѣтилось такое младенческое незлобіе, что, кажется, самое холодное, черствое сердце плънилось бы имъ и пожелало усвоить себѣ это качество дивное.— Не оставимъ безъ вниманія и его состраданіе и сердоболіе къ нуждающимся: кто изъ приходящихъ сюда—въ крайней нуждѣ—за помощію не получалъ отъ благодѣтельной десницы покойнаго пособіе благовременное? Прислушайтесь къ говору этой многолюдной толпы, наполняющей храмъ и ограду обителя и вы узнаете, что покойникъ, не взирая на то, что богатъ былъ, по собственному-же его выраженію, только *нищетою*, очень многимъ изъ среды ея благодѣтельствовалъ. А это умѣнье управлять братствомъ изъ разныхъ званій, не одинаковой степени образованія, умѣнье всѣмъ и каждому указать приличное мѣсто, занятіе, такъ чтобы всѣ и каждый, смотря по возможности, старались содѣйствовать благу обителя? А эта рѣдкая заботливость старца подвижника—сдѣлать чрезъ переводы и издаванія—общедоступными для всѣхъ и каждого нѣкоторая изъ такихъ свято отеческихъ твореній, о коихъ очень многіе даже изъ

иноковъ знали только по имени, не взирая на ихъ назидательность? Это наконецъ безкорыстіе, съ какимъ разсыдалъ онъ творенія эти, по переводѣ нѣкоторыми изъ вашей-же среды на современный намъ языкъ, по духовно-учебнымъ заведеніямъ? Не указываютъ-ли онѣ, съ одной стороны на его наблюдательный умъ, съ участіемъ слѣдившій за потребностями современнаго иночества и съ искреннею готовностію избобрѣтавшій средства удовлетворить онымъ, съ другой—на его духовную опытность и *благочестіе*, которое *на все полезно* (1 Тимоо. 4, 8)?

И такъ видите, брат., что и въ наше время человѣкъ, проникнутый любовію къ Господу, много можетъ сдѣлать, при помощи Божіей, для блага ближнихъ. Пусть-же примѣръ этой поучительной жизни отца и брата нашего о Господѣ не пройдетъ для насъ даромъ. Взирая на блаженное успеніе его, предваренное принятіемъ великаго Ангельскаго образа, послѣ неоднократнаго приобщенія святыхъ и животворныхъ Христовыхъ таинъ, будемъ подражать его вѣрѣ въ промыслъ Божій, его духу подвижническому, сопровождаемому кротостію и незлобіемъ, безкорыстіемъ и благочестіемъ, его благоразумію и осмотрительности, съ коими твердо шелъ онъ путемъ жизни, избѣгая крайностей. Съ другой стороны помни, что никто не можетъ похвалиться *чисто сердце имѣти, хотя-бы и единъ день былъ житія его на землѣ* (Иов. 14, 3), пожалѣемъ о томъ, что и высокая душа усоншаго о Господѣ омрачалась иногда, по помощи человѣческой, нѣкоторыми недостатками, какъ свѣтлое солнце—тучами; тѣмъ болѣе, что при гробѣ и близъ отверстой могилы—самое приличное мѣсто, по указанію христіанской любви,—для благословеній и теплыхъ молятвъ объ упокоеніи преставльшагося въ пѣдрахъ Авраама, Исаака и Иакова, а не для осужденія, или малодушныхъ жалобъ, если-бы кому-либо и могли онѣ придти на память теперь. Аминь.

Герасимъ Е. А.

Къ біографіи митрополита Сампсона (*).

По полученіи извѣстія о томъ, что происходитъ въ Астрахани, Петръ В. далъ приказаніе нѣсколькимъ полкамъ двинуться на нее, подъ предводительствомъ Бориса Петровича Шереметева. Между тѣмъ мятежъ болѣе и болѣе разгарался. Астраханцы вздумали изволновать всѣхъ окрестныхъ казаковъ. Выбранные, послѣ убіенія Ржевскаго, старшины Носовъ и Ганчиковъ разо-

(*). См. Астрах. Вѣд. №№ 34, 35 и 52, за 1878 г. и № 37 сего года.